

Глава 9

В воздухе витал затхлый запах пыли и старой плесени. Су Лин проснулся совершенно разбитым, а под его глазами залегли тёмные тени — ночь выдалась беспокойной.

Он долго лежал в кровати, чувствуя во всём теле тупую ломоту. Постель в старом доме оказалась невыносимо жёсткой: на деревянный каркас набросали слои старого тряпья и ветоши, поверх которых лежала прелая солома, прикрытая тонким матрасом. Солома, которую не меняли много лет, давно свалялась и затвердела. Это было совсем не похоже на мягкие городские перины, к которым он привык.

Братец Лин нехотя поднялся и, пребывая в полусонном забытьи, подошёл к деревянному окну. Нащупав пояс нижнего платья, он принялся завязывать его, попутно снимая с вешалки верхнюю накидку цвета абрикосовой зелени. Широко зевнув, юноша наконец сфокусировал взгляд и тут же замер.

Девятнадцатый стоял во дворе и, не отрываясь, смотрел прямо на него через открытое окно.

— На что уставился? — Су Лин вспыхнул и гневно сверкнул глазами. — Смотри у меня, глаза выколю!

В его голосе сквозило раздражение. Несмотря на то что юношу мало заботили слухи о его репутации, оказаться застигнутым посторонним мужчиной в момент переодевания было крайне неловко.

Мужчина задержал взгляд на его влажных, заспанных и чуть припухших глазах, а затем медленно отвернулся.

Раб всегда спал чутко — любой шорох мгновенно возвращал его к реальности. Прошлой ночью этот юноша метался в кошмарах: сначала он скулил, словно раненый зверёк, а после разрыдался так горько и безутешно, будто на него обрушились все беды мира. Услышав, как тот начинает задыхаться от рыданий, Девятнадцатый поднялся и какое-то время стоял под окном, присматриваясь.

Тогда, при свете луны, Су Лин выглядел совсем иначе. Он зарылся в одеяло, выставив наружу лишь покрасневшее личико. На его длинных ресницах дрожали слёзы, кончик носа покраснел, а плечи вздрагивали от всхлипов — вылитый брошенный и обиженный щенок. Днём он выпускал колючки и скалился, но ночью превращался в беззащитное создание.

Теперь же, видя, как господин снова бодро сверкает глазами, слуга понял: тому стало значительно лучше.

Услышав голос хозяина, Сяо Хэй радостно завилял хвостиком и с залившимся лаем вбежал в

комнату.

— Хороший пёс. Знаешь, как приветствовать хозяина, — Су Лин потрепал щенка за ухом.

Выйдя на крыльцо, юноша замер от удивления. Весь двор, ещё вчера заросший сорняками по пояс, теперь был девственно чист. Земля стояла голой и перепаханной. Когда же раб успел всё это выполоть?

Повсюду пахло сырой землёй и терпкой свежестью примятой травы. Запах был странным, но Су Лину он неожиданно понравился. В сердце шевельнулась тихая радость: жизнь понемногу налаживалась.

Он уже собирался идти к реке за ивовыми прутьями, чтобы почистить зубы, как заметил на камне у колодца несколько приготовленных веток и таз с чистой водой.

Су Лин украдкой взглянул на Су И. Тот стоял к нему спиной и помешивал в котле рисовую кашу с рыбой.

Разжевав кончик ивовой ветки до состояния щётки, юноша принялся чистить зубы. Горьковатый сок разлился во рту. Хоть такая замена и была грубой, царапала дёсны и не шла ни в какое сравнение с настоящей щёткой, настроение у Су Лина почему-то не испортилось.

К тому времени, как он закончил умываться, Девятнадцатый уже выставил на плоский камень чашку с горячей кашей. Юноша отхлебнул: рис разварился до мягкости, а рыбное мясо таяло на языке. На самом дне он обнаружил двух маленьких речных креветок.

Глаза Су Лина радостно блеснули. Креветки, размером с ноготок, были сначала обжарены, а уже потом добавлены в кашу.

— Вкусно, — невольно вырвалось у него.

Мужчина, согнувшись, засыпал землёй тлеющие угли. Мускулы на его обнажённых руках перекатывались под кожей, и, судя по тому, как ускорились его движения после похвалы, слова юноши не прошли мимо ушей.

— Хм, теперь тебе придётся делить одну миску с Сяо Хэем, — пробормотал Су Лин с набитым ртом. — Так тебе и надо. Знал же, что у нас всего две чашки, а лучшую отдал собаке.

Съев две порции подряд, юноша довольно погладил живот и сыто икнул.

— Эй, можешь помыть мою миску и поесть из неё. Считай это актом милосердия с моей стороны.

Однако раб даже не обернулся. Он спокойно взял грязную плошку, из которой вчера ел чёрный щенок, ополоснул её водой и принялся за еду.

«Значит, лучше будет из собачьей миски лакать, чем из моей?»

Су Лин мгновенно надулся. Весь его добрый настрой как рукой сняло.

— Ты брезгуешь мной? Это я должен тобой брезговать, а не ты мной! Предпочёл собачью плошку?!

Едва что-то шло не по его воле, Су Лин становился невыносимо вздорным. Он совершенно забыл, что сам первым запретил мужчине прикасаться к своей посуде.

Видя, что тот снова игнорирует его тирады, юноша принялся со злостью пинать попадавшие под ноги камни. Но летние матерчатые туфли были слишком тонкими. Один из ударов пришёлся на острый обломок скалы, глубоко ушедший в землю.

— Ай! Ой-ой-ой... — Су Лин скорчился от боли, лицо его исказилось в гримасе.

Услышав шум, Девятнадцатый обернулся. Бросив взгляд на ногу юноши, он поставил миску и быстрыми шагами направился к нему. Не говоря ни слова, он подхватил Су Лина одной рукой и перенёс на каменные ступени крыльца.

Братец Лин, пребывавший в ярости от собственной неуклюжести, от неожиданности забарахтал ногами и принялся колотить мужчину по плечам. Он выглядел как крошечный цыплёнок, трепыхающийся в пасти у волка.

Через мгновение его осторожно усадили на ступени. Юноша понял, что его силёнок не хватает даже на то, чтобы отпихнуть одну руку слуги. Тот даже не запыхался, а удары господина, казалось, были для него не больше щекотки.

Когда Су И наклонился, Су Лин снова ощутил этот густой, чисто мужской запах — не зловоние пота, а нечто тяжёлое и острое. Он неловко пошевелил пальцами ног и сердито буркнул:

— Кто просил меня лапать? Смердный раб! Без приказа не смей ко мне приближаться!

Мужчина промолчал, лишь мельком взглянул на испачканный носок его туфли. Су Лин тут же спрятал ногу под подол платья, глядя на него с опаской. Но Девятнадцатый лишь развернулся и одним мощным рывком выворотил из земли тот самый злополучный камень — валун оказался размером с хороший таз.

Он оттащил глыбу к османтусу, засыпал яму землёй и, вымыв руки, вернулся к своей каше.

Три дня спустя

Благодаря сытной рыбной диете Су Лин окреп, но уха, каша и жареная рыба уже стояли у него поперёк горла. Нужно было думать, что делать дальше.

Он решил купить немного овощей и риса у третьей тётушки, а затем расчистить участок под огород, чтобы запастись едой на зиму. Также в планах была поездка в город Цинши за вещами первой необходимости. Ивовые прутья вместо зубной щётки были сущей пыткой, к которой юноша никак не мог привыкнуть.

Пока Су Лин отдыхал, Девятнадцатый трудился не покладая рук. Он удивительно быстро освоился на новом месте и вычистил заброшенный дом до блеска. Юноша не знал, где именно тот умудряется ловить рыбу каждый день, но амур ему порядком надоел.

Он смутно припоминал, что для охоты в лесу нужно получить разрешение.

«Надо будет сходить к старосте, — размышлял Су Лин, — зарегистрировать этого Девятнадцатого, а потом сходить с ним в горы. Может, добудем какую-нибудь дичь»

Пока он строил планы на будущее, по деревне Уси уже всю гуляли слухи о его «беременности». Сельские кумушки уже определили пол ребёнка и даже назначили срок родов.

Кое-кто заметил, что мужчина, которого притащил Су Лин, каждый день носит с реки жирную рыбу. Местные мужики поначалу хотели проучить наглеца — дескать, рыба в реке Лунтань общая, собственность клана. Но, проследив за ним, они обнаружили, что тот ловит дикую рыбу в самых верховьях, где никто не промышлял.

Этот человек в простой серой одежде оказался на редкость чистоплотным: поймав добычу, он каждый раз тщательно мылся в реке, а затем долго сидел на солнце, обсыхая, прежде чем вернуться в дом.

Когда мужики невзначай упоминали об этом дома, их жёны тут же принимались их пилить. Они ставили «бродягу Су Лина» в пример: мол, посмотрите, как человек о своём гээре заботится, а вы, олухи, как свиньи ленивые, пальцем не пошевелите.

— Когда я на сносях была, — причитала одна, — мне даже пучка чжэ'эргэня никто не сорвал, а этот вон — каждый день свежей рыбой кормит, силы восстанавливает!

Су Лин, честно говоря, вовсе не стремился так «восстанавливать силы», но в старом доме шаром покати — всё приходилось начинать с нуля.

Воспоминания о поездке на воловьей тележке до сих пор вызывали у него содрогание, поэтому он тянул с поездкой в город до последнего. В эти свободные дни он вместе с рабом ходил к третьей тётушке, чтобы вернуть термос. Про разбитую чашку юноша сказал честно, пообещав возместить ущерб.

Тётушка лишь замахала руками, твердя, что ничего не нужно. Но Су Лин понимал: в деревне посуда — это ценность. Фарфоровая чашка стоит три-четыре вэня, а сельчане порой жалеют восемь вэней на дорогу до города, так что вещи здесь берегут пуще глаза. Давать деньги напрямую было бесполезно — женщина не возьмёт, — поэтому он решил просто купить новую чашку в городе.

Заодно он выпросил у неё несколько вязанок соломы для постели. В деревне после сбора урожая солому связывали в снопы и складывали в высокие скирды. Её использовали для корма скота, набивки тюфяков, плетения верёвок или соломенных лаптей.

Сейчас Су Лин сидел на ступенях, методично перебирая солому: он выбирал мягкие стебли, очищал их от жёсткой шелухи и обрезал колючие колоски.

Пока он прикидывал, на что потратить оставшиеся три лян серебра, со стороны ворот послышались шаги. Юноша поднял голову и увидел Юань Цзинцуй, несущую в руках кусок свиной грудинки.

Рассеянность мгновенно слетела с его лица. Он смерил тётушку тяжёлым взглядом, гадая, какую пакость она приготовила на этот раз.

— Ах, Лин-эр, деточка! — запричитала Юань Цзинцуй, расплываясь в притворной улыбке. — Твоя тётушка была так занята эти три дня, едва минутку выкроила, чтобы тебя навестить. В этом старом доме ведь совсем ничего нет, как ты тут живёшь?

Она подошла ближе, всплеснув руками:

— Гляньте на него! В положении, а сидит на холодных камнях! Некому тебе подсказать, совсем ты ещё дитя, ничегошеньки не смыслишь.

Су Лин даже не шелохнулся. Он смотрел на сияющую улыбкой женщину и диву давался — можно было подумать, что их недавнего скандала вовсе не существовало.

Он ещё плохо понимал законы деревенской жизни и не осознавал, как можно после открытой вражды так бесстыдно разыгрывать радушие. В деревне, где дома стоят бок о бок, а соседи видятся по десять раз на дню, даже лютые враги старались сохранять видимость приличий.

Здесь всё строилось на взаимовыручке, а не на деньгах. Строительство дома, свадьбы, похороны — на всё требовались рабочие руки односельчан. Даже если у кого-то свинья сбежит из загона — без помощи соседей её не поймать. Испортить отношения со всеми означало обречь себя на одиночество: в трудную минуту никто не придёт на помощь, и придётся униженно молить о пощаде.

Особенно это касалось деревни Уси, затерянной глубоко в горах. Даже если у тебя есть деньги, нанять кого-то со стороны было почти невозможно из-за удалённости от города. К тому же сельчане не жаловали чужаков, поэтому хорошие отношения с роднёй и соседями были залогом выживания. Все жители были связаны узами крови и общего происхождения, что делало эти связи ещё крепче.

Именно поэтому Юань Цзинцуй, несмотря на недавнюю безобразную сцену на берегу, как ни в чём не бывало пришла к Су Лину с улыбкой на лице.

— Ты что же, один дома? А где этот твой... мужчина?

Заметив, что во дворе только Су Лин, тётушка вытянула шею, заглядывая в дом. Ей очень хотелось увидеть того «бродягу», который так бесцеремонно швырнул её на землю.

Она отметила про себя, что в доме теперь чистота и порядок. В прежде мрачном зале открыли окна, и благодаря сквозняку комната казалась просторнее и светлее. Двор, где раньше сорняки стояли стеной, был вычищен, а земля аккуратно притоптана.

Су Лин, с его-то барскими замашками, на такую тяжёлую работу был неспособен. Значит, этот пришлый мужик оказался на редкость работящим.

<http://bllate.org/book/15320/1354525>